

ЕЛЕНА КОЛИНА

личное
дело
Кати К.

КРАСИВАЯ,
В МЕРУ УПИТАННАЯ,
В РАСЦВЕТЕ СИЛ

АСТ

Елена Колина

Личное дело Кати К.

«Елена Колина»

2008

Колина Е.

Личное дело Кати К. / Е. Колина — «Елена Колина», 2008

ISBN 978-5-17-053674-0

Катя К. выходит замуж с твердым намерением быть счастливой. Она не позволит капризной дочке своего мужа, вредной особе по прозвищу Киса, разрушить семью. Катя К. садится писать специальную книгу для Кисы. Как Кисе добиться всего чего ей хочется, особенно любви и счастья. И во время создания рецептов счастливой жизни Катя К. учится легко и изящно преодолевать семейные неурядицы.

ISBN 978-5-17-053674-0

© Колина Е., 2008
© Елена Колина, 2008

Содержание

Суббота	5
Воскресенье	7
Понедельник	13
Вторник	17
Среда	19
Пятница	24
Воскресенье	26
Понедельник	28
Вторник	31
Среда	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Колина

Личное дело Кати К.

Суббота

Экзистенциальный кризис в семье

Если у человека экзистенциальный кризис, или кризис среднего возраста, или творческий кризис, или же он является трудным подростком, то ему ни в коем случае нельзя заклеивать окна...

Нет, не так...

Если человек вышел замуж в беспомощном состоянии и в марлевой повязке, то еще неизвестно, что ждет его в этом браке.

...Опять не так... Если человек вышел замуж за главного врача больницы, где с 20.08.05 по 27.08.05 находился на лечении с диагнозом «неврит лицевого нерва»... – вот теперь все правильно.

Что может быть прекраснее, чем пара «пациентка и врач»?.. Врач-невропатолог.

Кстати, по поводу диагноза – с диагнозом я не согласна. Считаю, это типичный случай гипердиагностики: у меня было вовсе не поражение периферических нервов, а обычная простуда. Просто левая половина рта не улыбалась, левый глаз не моргал, левая бровь не поднималась, в общем, вся левая половина лица полностью замерла. И это, конечно, мешало мне смеяться и полноценно выражать другие эмоции. Но мой человеческий организм устроен таким образом, что если что-то одно отказывает, то другое начинает работать с удвоенной силой. Поэтому, когда 21.08.05 около одиннадцати утра я увидела, что в палату в сопровождении свиты врачей входит невысокий человек со строгим лицом, я нисколько не растерялась и, как могла, выразила ему свою приязнь действующей половиной лица: улыбнулась правой половиной рта, приподняла правую бровь и изо всех сил моргнула правым глазом.

– Что это она у вас так гримасничает? – брюзгливо спросил моего лечащего врача человек со строгим лицом. По его начальственному тону я догадалась, что это главный врач, и несколько раз моргнула, желая показать, что у меня все хорошо и получаемым лечением я довольна. И еще, привстав, приветственно помахала правой рукой из-под одеяла.

Главврач без видимого интереса немного почитал мою историю болезни. Там было написано: «Екатерина К., неврит лицевого нерва, клиническая картина, назначения...» – и все это вместо того, чтобы написать правду: «Катя К. открыла в машине все окна на скорости 120 км в час, думала, что в жару сквозняк не страшен, оказалось, нет».

– Не расстраивайтесь так, – с дежурным сочувствием сказал мне главврач, – будем надеяться, что со временем у вас все восстановится.

– А я и не расстраиваюсь, – ответила я. – У Луи Пастера, например, работало только одно полушарие мозга, и ничего, изобрел пастеризацию всего одним полушарием... Знаете Луи Пастера?

Главврач удивился и дополнительно проверил мои рефлексy. Он все стучал и стучал по мне черным резиновым молоточком, и я тоже удивлялась – зачем, видно же, что я совершенно нормальная, просто много знаю. Так началась Димина любовь ко мне. Любовь всегда начинается с удивления.

Наши с Димой любовные отношения развивались как классические отношения «врач – пациентка», то есть были основаны на моем восхищении и полной зависимости от его

назначений. И еще на благодарности за то, что он поверил в меня и разрешил размотать повязку на два дня раньше, а затем наблюдал меня амбулаторно, то есть у меня дома: витамины группы В, дибазол 0,05 подкожно 1 мл, а также лечебная гимнастика и массаж.

И в связи со всем этим у меня даже развился некоторый комплекс неполноценности – вроде он Гудвин, великий и ужасный, а я так, ерунда, пациент с перекошенной улыбкой.

Но теперь мы больше не врач и пациент, а муж и жена. Оказалось, что я не ерунда, а наоборот – в нашем доме все на мне: любовь, здоровое питание и психологический климат.

Хочу сразу же признаться – я вышла замуж по расчету. Ведь это мое личное дело, как выходить замуж, по расчету или по другим причинам. Мой расчет такой – я собиралась жить счастливо. Кроме того, всегда хорошо иметь дома невропатолога. Вот это мой расчет, а что, неправильно?

Подозреваю, что Дима тоже женился на мне по расчету – чтобы иметь у себя дома своего личного пациента, беззащитного перед его назначениями.

Все было хорошо, и мы были очень счастливы. Я понимала, что все это устроила я, особенно здоровое питание, и мой комплекс неполноценности уже потихоньку начал переходить в манию величия, но вот тут-то обнаружились некоторые сложности.

Пожаловаться на эти некоторые сложности мне некому – все мои подруги, как одна, скажут: «А я тебя предупреждала, что будет очень трудно...» Они ничуть не злорадные, просто человеческая природа такова – каждому в душе приятно сознавать, что он прав, а я дура.

Мои подруги скажут: «Вы с Димой такие разные...» Это правда, мы разные: Дима – невысокий, черноглазый-чернобровый с чуть седоватыми волосами, спортивный, а я тоже невысокая, неопределенно светлого цвета, довольно далека от спорта. Зато у меня есть лишние килограммы, а у Димы нет.

Мои подруги скажут, что у нас с Димой разные интересы. И это действительно так: он все свободное время играет в теннис, а я люблю валяться – валяться на траве и смотреть, как плывут облака, или валяться на диване у окна и смотреть, как идет снег.

Еще они скажут, что у нас с Димой очень разные характеры, и это тоже правда. Я больше всего на свете люблю неожиданные радости, а за те месяцы, что мы живем вместе, он еще ни разу не пришел домой и не предложил: давай поедem на выходные в Париж или на дачу!

Что-то еще... Ах да, самое главное! Конечно же, мои подруги скажут: что хорошего можно ждать от этого брака, когда у каждого свой ребенок!

Да, свой, а что?.. У меня свой Котик, чудный, очень тихий ребенок шести лет, а у Димы шестнадцатилетняя девица Киса. Очевидно, существуют какие-то необыкновенно щедрые душевно женщины, способные полюбить чужого подростка с первого взгляда, но это не я. Что же касается нашей Кисы, то... есть люди, которых легко любить, и это НЕ Киса.

Котик похож на сонного медвежонка, а Киса похожа на модель или на девушку «Космо». У Котика и Кисы тоже разные характеры и разные вкусы, особенно насчет меня.

Воскресенье Очень холодно

На завтрак гренки с сыром, булочки с шоколадным маслом и яичница, а также овсяная каша на воде без соли и масла. Дима, Киса и Котик не будут есть овсяную кашу на воде без соли и масла, но она обязательно должна быть на столе – нам без этого нельзя, потому что я – консультант по здоровому питанию. Автор бестселлеров «Здоровое питание для ленивых» и «Здоровое питание для хитрых». Жуткие тиражи, честное слово, больше, чем даже у детективов! Так что овсяная каша на воде без соли и масла по рецепту из моих книг – это профессиональное, она всегда стоит у нас на столе как муляж и свидетельство моих профессиональных успехов.

Я разложила по тарелкам яичницу и вслух обратилась сама к себе:

– Катя, как тебе не стыдно? Как ты можешь кормить свою семью гренками, булочками с шоколадным маслом и яичницей, если ты консультант по здоровому питанию?..

– Если ты консультант по питанию, – сказал Дима, входя на кухню.

Боже, это просто чудо! У нас телепатическая связь!.. Как все истинно любящие, мы настроены на одну волну, как это прекрасно...

– Если ты консультант, – повторил Дима, и в его голосе явственно прозвучала едкая детсадовская интонация: «Если ты такая умная, Катечка...» – если ты все знаешь про здоровое питание, почему же тогда...

Дальше последовал список претензий, не злобный, а просто печальный – бу-бу-бу... Почему я не могу приучить его и детей есть овсянку на воде без соли и масла, почему на обед никогда не бывает хоть какого-нибудь свекольного салата, а на ужин всегда мясо с картошкой или с макаронами...

– А ведь в твоих книгах такие замечательные рецепты здорового питания... – мечтательно произнес Дима и принялся за яичницу.

...Хм... Может ли инструктор по дрессировке собак пройти по бревну на четвереньках с палкой в зубах? Ах, не может? А других учит. Тогда какие ко мне могут быть претензии?.. Теоретические знания – это одно, а практическое применение – это совсем другое.

Но дело не в яичнице и не в овсянке. Мне хочется, чтобы все завтракали вместе, и чтобы все было красиво, и чтобы все любили друг друга и рассказывали, кому что приснилось, и обменивались планами на день, и...

А у Димы по утрам всегда ЛИЦО. И еще он по утрам всегда вздыхает, очень громко, я бы сказала, настойчиво вздыхает. И я каждое утро пугаюсь, что у него за время ночного отдыха случилось что-то непоправимое.

– Что с тобой? – Я вилась вокруг Димы, как щенок. – Что, что, что?

– Устал... – вздохнул он.

– Ты же только что проснулся... – намекнула я.

– Ну и что? – непонимающе сказал Дима и вздохнул еще громче.

Отношения до брака – это восторги любви, дибазол 0,05 подкожно 1 мл, прощальный массаж лицевого нерва, и до свидания. А семейная жизнь совсем иное – это не до свидания под столом собрание, а наоборот, радости и горести пополам. Тем более Дима – главный врач большой больницы и не только лечит и руководит, а еще строит новый больничный корпус. Собирается оснастить его самым современным оборудованием, особенно он мечтает о ЯМР. Ядерно-магнитный резонансный томограф с сосудистой программой – вот это что. Стоит три миллиона долларов, ни у кого такого нет, а Диме уже почти что обещали в одном Фонде, нельзя говорить, в каком именно, – во Всемирном фонде исследований мозга.

– Может быть, у тебя неприятности? – деловито спросила я.

– Да нет... а впрочем, скорее да...

– Какие? Какие неприятности? Скажи, скажи скорее, какие неприятности!..

Дима некоторое время подумал и сказал:

– Я точно не знаю.

КАК человек может не знать, какие у него неприятности?!

Дима еще немного подумал и сказал:

– А что, если министерство не утвердит проект?

Я удивилась, ведь как раз вчера стало известно, что проект УЖЕ утвержден.

– Нет, ну а если все-таки... – настаивал Дима.

Я налила ему кофе и спросила:

– А может быть, тебе приснился плохой сон? И поэтому ты такой грустный?

– Я не грустный, я нормальный, – ответил Дима.

Он нормальный?! А кто же тогда ненормальный, я?..

– Ну, или возьмем, к примеру, мою машину... Вчера какой-то стук был. Наверняка она скоро сломается, – с надеждой сказал Дима и оглянулся вокруг в поисках еще чего-нибудь печального. Я услужливо подсунула ему дневник Котика с двойкой за писание палочек, и тогда он удовлетворенно вздохнул:

– Ну, вот видишь, я же говорил...

Вот так. Еще неизвестно, кто здесь пациент, а кто невропатолог, или даже психоневролог... или даже, не побоюсь этого слова, психиатр.

Никогда не думала, что невысокие симпатичные черноволосые и чернобровые главврачи бывают такими трудными в простом человеческом общении. Но что поделаешь, все люди очень разные. Вот я, например, чрезвычайно легкий, приятный человек.

– Доброе утро, папочка и Котик, всем тоже привет! – из коридора крикнула Киса.

Все – это я. Это мне тоже привет.

– Ой, Киса, что это с тобой? – испугалась я.

Когда я смотрю на Кису, у меня не возникает ощущения, что это ребенок-девочка. Киса высокая-тоненькая-длинноногая, с маленьким надменным личиком. Непонятно, откуда у Димы взялась такая Киса-модель, сам Дима в смысле роста и длины ног не представляет собой ничего особенного.

Губы у Кисы накрашены черным, а щеки белым.

– Киса, ты очень красивая, вылитая Смерть из мультфильма... – восторженно протянул Котик. – Можно я тоже буду готом?

Готы – это молодежное течение, они увлекаются готикой, ходят в черной висячей одежде и многозначительно разговаривают о мрачном – таинственных привидениях, кладбищах, скелетах и других готических ужасах. На самом деле Киса ничуть не интересуется привидениями и скелетами, просто она специально меня раздражает.

– Как тебе мои губы? – поинтересовалась у меня Киса.

– По-моему, черные губы выглядят мрачновато, – осторожно заметила я, – тебе больше идет, когда ты не гот, а панк.

Киса поочередно изобразила на лице презрительное удивление и безразличие и медленно потянулась за чашкой тонкой лапкой с длинными, накрашенными черным ногтями.

– ВЫ ничего в этом не понимаете...

– А почему ты вдруг со мной на «вы»? – машинально спросила я.

– А как же мне обращаться к взрослым посторонним людям? – фальшиво удивилась Киса.

Дима беспомощно взглянул на меня и мгновенно сделал вид, словно он давно уже отошел в мир иной и оттуда печально взирает на эту нашу суету.

Не буду обращать внимания. Во-первых, Киса – подросток. Может быть, ее черные губы и белые щеки – это бунт против окружающей действительности, например меня. Во-вторых, я обязана любить дочь своего мужа, тем более она может скоро выйти замуж или уехать учиться за границу.

Я бы ни за что не вышла замуж за Диму против ее воли, правда! Не потому, что я такой уж ангел, а просто... я же не мазохистка, зачем мне ненавидящий меня подросток с черными губами? Но ведь Киса совсем не была против, наоборот!..

«Я разрешаю вам пожениться», – важно сказала Киса, и мы быстро поженились и переехали в эту квартиру. Может быть, принимать такие внезапно кардинальные решения немного странно для взрослых людей, но мы с Димой так радовались, что мы все нашлись и понравились друг другу – и он, и я, и Киса, и Котик. Мы хотели, ЧТОБЫ СРАЗУ ЖЕ БЫЛА СЕМЬЯ.

И у нас стала семья. Теперь-то я понимаю, почему Дима так стремительно на мне женился – он боялся, что Киса передумает и заберет свое разрешение обратно.

Сначала Киса не отходила от меня ни на шаг, примеряла мои вещи, красилась моей косметикой и бесконечно водила ко мне своих подружек и их мам консультироваться по поводу овсянки без соли. А потом что-то случилось. Я не знаю, ЧТО произошло, честное слово, я ничем ее не обижала!..

И теперь Киса ведет себя ужасно: назло мне меняет имидж с панка на гота, томно роняет необходимые задумчивые гадости, затем откровенничает и пугает меня мрачными настроениями, затем вдруг неестественно оживляется и, наконец, выпаливает обидные гадости – в общем, демонстрирует, какая она сложная натура и самая одинокая в мире Киса.

Я поймала Кисин взгляд – она сидела напротив меня с надменным лицом и мешала мне жить, любить и веселиться. Дима делал вид, что он не с нами, – ему всегда кажется, что если он закроет глаза руками, то мир его не заметит. Но я не такая – я не собираюсь не замечать Кису. Кончилось мое педагогическое терпение! Пусть только Дима уйдет, я ей все покажу! А пока не буду обращать внимания, а буду как ни в чем не бывало продолжать счастливый семейный завтрак.

– Знаешь что? Мне очень срочно нужно кое-что тебе сообщить, – обратилась я к Диме. – У нас дикий нечеловеческий холод! Давай поставим стеклопакеты.

– Стеклопакеты? Ни за что, – ответил Дима. – Шестнадцать градусов – это не холодно.

Я не возразила, только бросилась в прихожую, принесла детскую мутоновую ушанку, завязала уши, задрожала и защелкала зубами – вот видишь, как холодно!

– Не дрожи, – примирительно сказал Дима. – Я ненавижу стеклопакеты! Лучше я заклею окна.

– Мы не в средневековье, чтобы запихивать в окна газету и капроновые чулки! – рассердилась я. – Посмотри, разве у людей из окон торчат капроновые чулки?

Я подошла к окну с целью злобно пересчитать соседские стеклопакеты.

Наш дом – модерн начала века. Самый красивый дом на Петроградской стороне, в Питере, в России, в мире, во Вселенной. Из окна виден внутренний двор и вход в следующий проходной двор. В нашем доме таких проходных дворов семнадцать.

У подъездов на цепях качаются старинные фонари, они блокаду выдержали, на них снег падает так красиво или дождь – Питер...

...Вообще-то Дима прав – больнично-белые пластиковые нашлепки стеклопакетов на бедных старых стенах похожи на забинтованные раны. Некрасиво, безвкусно, фу!..

Пришлось снять ушанку и перестать щелкать зубами.

– Хорошо, я согласна с газетой и капроновыми чулками, – сказала я. – Купить тебе колготки для заклейки окон?

Колготки я куплю черные, прозрачные, 40 ден, с поддерживающим эффектом. Несколько пар 70 ден, на мороз. В трудные минуты можно будет вытаскивать колготки из окон.

– Когда ты заклеишь окна, когда, когда, когда? – спросила я. – Завтра? Лучше сегодня! Давай вечером, а?..

...Еще куплю несколько пар цвета загара, к юбке, – тогда, может быть, получится протянуть до весны.

– Не волнуйся, заклею, – обнадеживающе произнес Дима. – Заклейка окон у меня в плане на май.

Я уже достаточно его знаю, чтобы понять – он говорит совершенно серьезно. Диме всегда кажется, что все на свете может еще немного подождать. Его пациентам повезло, что он невропатолог, а не хирург, а то бы он их всех разрезал летом, а зашил к Новому году. Но заклейка окон не может так долго ждать, ведь в мае уже тепло и мне не понадобятся колготки...

Я вышла в прихожую проводить Диму. Когда мы только поженились, я почему-то думала, что в выходные мы все вместе будем ходить в Эрмитаж, в филармонию, ездить за город собирать листья или лепить снежную бабу, но не тут-то было – по субботам и воскресеньям Дима часто работает и всегда играет в теннис.

– Да... так о чем ты хотел со мной поговорить? – вспомнила я.

– Я?... – рассеянно переспросил Дима. – Я хотел тебя спросить, может, нам лучше расстаться?

– Что?... Что? – прошептала я. – Ты... я...

– Все плохо... Ты очень скоро меня разлюбишь, – с печальным удовольствием произнес Дима, взял теннисную сумку и ракетку и начал продвигаться к выходу, – мы с Кисой портим тебе жизнь...

– Нет! Нет! Что ты! Я ни в коем случае не разлюблю!.. – уверяла я. – Вы не портите, а наоборот, очень-очень украшаете, особенно Киса...

Дима пощупал мне пульс.

– Что-то частит... нет ли у тебя вегетативной дисфункции?... – озабоченно сказал он, вздохнул на прощание и ушел играть в теннис.

Ну почему, почему, почему?! Ну, противная Кисица, берегись!

Киса сидела у себя, уткнувшись в учебник истории, а под учебник у нее была подложена книжка – думаю, что-нибудь вроде «Техники орального секса для школьников среднего и старшего возраста». На столе валялись сочинения, которые я писала для Кисы, – одно про Раскольникова, другое по «Мертвым душам».

Я не стала говорить Кисе: «Я так хочу стать тебе матерью». Какая может быть мать, если она выше меня в два раза. И в четыре раза худее.

Я не стала говорить Кисе: «Я хочу стать тебе другом». Мы уже два месяца были друзьями, а друзья так не поступают, чтобы без всякого объяснения причин перестать дружить.

Я не стала говорить Кисе, что она дорога мне как Димина дочь и тому подобную ерунду. Это заведомая неправда, – ни один человек не может быть мне дорог, как чей-то родственник или знакомый.

Я не стала говорить Кисе разные жалкие слова типа: «Мы с тобой должны его пожалеть и не расстраивать», – потому что она меня просто не услышит.

– Киса, ты хочешь, чтобы мы расстались? – без предисловий спросила я.

– Мы все расстались? И мы с Котиком тоже? – уточнила Киса.

– Ну, с Котиком ты сможешь продолжать отдельные отношения... Ты хочешь, чтобы мы с Димой расстались? – четко сформулировала я. Ни за что не скажу «с твоим папой», и никакая это не ревность с моей стороны, а просто не скажу, и все тут.

– Нет. Не хочу. Кто будет мне сочинения писать и английский делать? – также четко сформулировала в ответ Киса.

Может быть, это было непедагогично, но я сказала Кисе правду: ее папа, а мой муж Дима – невропатолог. Главный врач большой больницы. Очень сложный, тонко организованный человек, который так погружается в свои переживания, словно ныряет на глубину многих тысяч метров. Очень расстраивается из-за... из-за всего. А тут Киса постоянно что-то такое демонстрирует. И ему кажется, что Киса несчастна, и я несчастна, и только маленький Котик ничего не замечает, но когда вырастет, непременно заметит и тоже будет несчастен. И теперь Дима боится – вдруг у нас ничего не получится. Но если человек боится, у него и в самом деле не получается – это закон, и ничего тут не поделаешь. И я не собираюсь сидеть и смотреть, как у нас ничего не получается.

Так что Киса должна прямо сейчас решить, что ей больше нравится – быстро и решительно довести нас до развода или...

– Или что? – обеспокоенно спросила Киса.

– Что-что... жить всем вместе, вот что, – проворчала я.

Я знаю, что не нравлюсь Кисе, зато ей нравятся:

а) Котик,

б) наша новая квартира,

в) написанные мною сочинения, особенно про Раскольникова.

Да, и еще Киса обожает консультироваться со мной по здоровому питанию.

Киса изобразила напряженную работу мысли.

– Так что я должна для тебя сделать? – насмешливо спросила она. – Быть хорошей девочкой?

– Ха-ха-ха, ничего подобного, – ответила я. – Ты можешь быть любой девочкой, какой хочешь. Можешь меня не любить и даже ненавидеть. За Котика, сочинения и консультации по питанию ты всего лишь должна соблюдать некоторые правила.

Киса еще немного покривлялась, и мы договорились.

Я уже собиралась уйти, но тут Киса сдвинула локтем учебник истории, и мой взгляд упал на книгу, которая лежала под ним. И эта книга была вовсе не «Техника орального секса». И не «Война и мир», не «Преступление и наказание» и даже не «Декамерон», а мой личный, замусоленный, зачитанный до дыр, изданный сто лет назад «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». Карлсон в полосатой пижаме летел под зонтиком по немножко рваной голубой обложке.

– У Котика стащила? Я тоже так люблю Карлсона! – растроганно улыбнулась я. – Знаешь, я в детстве ужасно завидовала Малышу. Считала, несправедливо, что Карлсон прилетал именно к нему...

– Ничего, и к тебе еще прилетит, – ответила Киса, – какие твои годы...

Ох! Маленькая дрянь с черными губами, вот кто эта Киса! Только расслабишься, она тебя раз-раз – схватит и укусит.

– Лучше я пойду к себе, – грустно сказала я.

– Да-да, иди. Я хочу выщипать брови. Найди пинцет и напиши мне памятку, как себя вести, – бросила Киса мне вслед. – А то вдруг вы из-за меня разведетесь? И следующая папина жена окажется еще хуже тебя...

– Почему еще хуже, почему?! – обиделась я. – Некрасиво так говорить... Она будет лучше! У Димы такой хороший вкус...

Понедельник Потрясающе!

Я попросила Кису и Котика не звать меня к телефону и скрылась в спальне. Это мое личное дело, чем я занимаюсь у себя в комнате. Хочу – валяюсь на диване, хочу – изучаю разные новые виды печенья.

Я хотела спокойно провести время без них, с чашкой чая и шоколадным печеньем. Раньше оно называлось «Суворовское», продавалось на Садовой в кулинарии «Метрополя». Там сначала слой теста, потом слой шоколада, а теперь слой шоколада стал поменьше, и это неправильно.

Что-то я отвлеклась... Консультант по питанию должен знать вредные продукты в лицо, поэтому у нас дома всегда большой запас разного печенья, сушек, галет. Пряники тоже есть.

У меня было плохое настроение, а все знают, что для консультанта по питанию уныние – самый страшный грех. Вот я и хотела спокойно проверить вредные шоколадные продукты и почитать книгу «Трудный подросток».

...Я лежала на диване и думала, что могла бы совершить на этом диване что-нибудь очень хорошее для всех, например для своего издательства... Написать книгу «Здоровое питание для застенчивых», за которую уже давно получила аванс. Застенчивые – это те, кто стесняется признаться, что любит конфеты, и печенье, и булочки. Особенно любит конфеты трюфель, шоколадное печенье и маковые булочки...

А я вру редактору, что у меня творческий кризис и я пока не знаю, как правильно питаться застенчивым людям. Вместо того чтобы выполнять свои обязательства по полученному авансу, часами изучаю «Трудного подростка». И уже предложила издательству взамен «Здорового питания для застенчивых» написать книгу «Трудный консультант по питанию». Но издательству почему-то такая книга не нужна.

Хорошо издательству требовать «Здоровое питание для застенчивых»! Издательство не знает, что жизнь так нелегка, особенно женская, особенно моя. Не знает, что у меня самый настоящий экзистенциальный кризис, кризис ценностей существования... А что? Все признаки налицо, к примеру:

сомнения, правильно ли я живу.

У меня есть такие мучительные сомнения. Удачно ли я вышла замуж?

Теперь вся моя жизнь полна досадных мелочей. Мне постоянно приходится обо всем думать. Я постоянно волнуюсь, любит ли меня Дима. Иногда волнуюсь, не разлюбила ли я. То Дима не так на меня посмотрел, то у меня обеда нет, то Котик – двоечник по писанию палочек, то на мне вместо шелковой ночной рубашки старая футболка, то никто меня не слушается. Изредка мне кажется, что я должна была быть лучше, а каждый день, что от меня и так требуется слишком много.

Экзистенциальное одиночество.

Это у меня тоже есть. Я очень часто думаю, что меня никто не понимает. А однажды я даже подумала – может быть, я тоже никого не понимаю?

Проблема профессиональной реализации.

Конечно, у меня есть такая проблема – достаточно ли я реализовалась как консультант по питанию и как обмануть издательство. Самые радикальные варианты – уехала в кругосветное путешествие или ненадолго впала в летаргический сон.

А теперь еще с Кисой проблемы...

И вот, вместо того чтобы беззаботным облаком клубиться по дивану и писать «Здоровое питание для застенчивых», я переживаю так сильно, словно это концептуально важные вещи, а не «все пройдет». А ведь я консультант по питанию, автор бестселлеров, меня нужно беречь.

Я подошла к окну, открыла обе створки, высунулась и немного половила ртом снежинки. Я сама себе очень нравилась – гордый юный поэтический консультант по питанию стоит у окна, ест снежинки и думает, что больше никогда, никогда в его жизни не будет ничего веселого... Вот сейчас он нарочно простудится, и тогда противная Киса пожалеет...

Я грустно размышляла обо всем этом и вдруг услышала какое-то странное жужжание. Посмотрела внимательно – никаких пчел, никакого самолета, ничего.

Но... я же слышала?... Жужжание никогда не бывает просто так, это всем известно.

Я медленно двинулась обратно к дивану, всем своим видом показывая, что о чем-то задумалась и вовсе не собираюсь оглядываться, и вдруг – раз, и быстро оглянулась!

Сидит!.. На моем подоконнике!..

Сидит, сидит, сидит!.. В синих штанах, клетчатой рубашке, полосатых носках!..

Неужели мечты сбываются?... Неужели он прилетел? Ко мне?..

– Привет! – сказал Карлсон и критически осмотрел меня с головы до ног. – А ты ничего, довольно упитанный экземпляр!..

– Привет-привет! – пискнула я, задохнувшись от счастья, и кинулась к Карлсону, чтобы поскорее его обнять.

– Спокойствие, только спокойствие! – Карлсон отпихнул меня толстенькой ручкой. – Обниматься – это лишнее. Я не твоя бабушка. У тебя есть какая-нибудь еда? Мясные тефтельки? Торт со взбитыми сливками тоже сойдет.

– Торты нет, зато у меня есть здоровое питание – овсяная каша на воде без соли и масла, – доложила я, – ну и еще сосиски с макаронами.

– И ты полагаешь, что можно наестся этим твоим здоровым питанием? И сосисками с макаронами? – склочным голосом спросил Карлсон.

– Нет, – с достоинством ответила я, – но ведь есть еще шоколадное печенье, сушки, галеты. Пряники тоже есть.

Карлсон вздохнул:

– Да-а... От некоторых людей нельзя слишком много требовать. Тащи сюда все, особенно сосиски и шоколадное печенье.

Я побежала на кухню.

– Ты чего это еду в комнату тянешь? Обедать, что ли, не будешь? – подозрительно поинтересовалась Киса. – А сама говорила, что обедать нужно всем вместе...

– Я... э-э... «Здоровое питание для застенчивых» начала писать. Ну и решила подкрепиться. Интеллектуальный труд требует дополнительных сосисок, да. И еще я возьму с собой немного печенья.

Хорошо, что у меня в комнате сохранилась маленькая защелочка – можно запереться от Кисы и Котика под предлогом «Здорового питания для застенчивых».

Я любовалась чавкающим Карлсоном и чувствовала себя такой счастливой, словно смотрела в свой детский стеклянный шарик. Внутри этого шарика была маленькая елочка и шел снег – никогда в жизни мне не понять, откуда он там берется...

– Ложку за меня, ложку за дядю, ложку за тетю, – приговаривал Карлсон, быстро набивая рот.

– За какую тетю? – ревниво поинтересовалась я.

– Понятия не имею, – ответил Карлсон и с сожалением отставил пустые тарелки. – Ну, а теперь я предлагаю немного поразвлечься. Если хочешь, можем пошвырять стулья из окна.

– Сейчас не могу. Дела... – выкрутилась я. – Книгу надо писать, «Здоровое питание для застенчивых». Такой... э-э... научный труд.

– Я так не играю! – надулся Карлсон и занес свою маленькую толстенную ножку на подоконник. – Вот возьму и улечу сейчас отсюда...

Я растерянно оглядывалась вокруг в поисках паровой машины или еще чего-нибудь, что было бы не жалко взорвать, – телевизор, фен?..

Карлсон занес ножку обратно.

– Послушай... Это, конечно, не наверняка, но я, пожалуй, мог бы остаться, если... В общем, я тоже не прочь стать писателем.

– Что?.. – удивилась я.

– Что-что! Глухая тетеря! – рассердился Карлсон. – Похоже, мне придется начать свой труд по питанию с того, что пропылесосить тебе уши!

Карлсон бросился на диван и мгновенно свил себе уютное гнездышко из пледа и подушек.

– Догадываешься, кто лучше всех на свете знает, как нужно питаться?

Я молчала. Даже если консультант по питанию тайком поедает шоколадное печенье на своем рабочем месте, это не означает... не означает, что плюшки... и блины, и мясные тефтели, и торт со сливками могут быть рекомендованы в качестве здорового питания... Ну в общем, мои теоретические убеждения расходятся с представлениями Карлсона о правильном питании.

– От плюшек толстеют, – робко сказала я.

– Ты что, действительно считаешь, чем человек худей, тем он красивей и милее? – обиженно спросил Карлсон.

– Конечно, да, – смело ответила я, – это всем известно, и науке, и женским журналам.

– Сиди тихо, и я тебе докажу, что это не так. При помощи доказательства от противного.

Я удивилась. Откуда Карлсон знает доказательство от противного – логический прием, когда опровергается противоположная идея. Должно быть, случайно залетел в окно к какому-нибудь математику.

– Я знал одного противного худышку, – начал Карлсон. – Вот ты считаешь, что все худые люди красивые и милые, а у него были противные глаза, противные уши, противный нос, да и по характеру он был просто скорпион рода человеческого.

– И что?

– И все.

– Но ты же собирался доказать?.. – удивилась я.

– Я и доказал. Я обещал тебе доказать от противного, и я это сделал. – Карлсон привстал, важно поклонился, бросился обратно в подушки и поглубже зарылся в плед.

И в этот момент под дверью раздались голоса:

– Где пинцет?! Мне срочно нужно выщипать брови! – Это Киса, очень возбужденно.

– Я уже написал почти целую строчку палочек. Быстро я, правда? Всего за два часа. – Это Котик, гордо.

– Катя, выходи, у нас неприятности. – Это Дима, трагически. – Не могу тебе сразу сказать, чтобы ты не очень расстраивалась. Тебе звонили из издательства – требуют первую часть «Здорового питания для застенчивых».

– А-а... – простонала я, – о-о...

– Тише, а то люди могут подумать, что я тебя ушипнул... – заметил Карлсон.

Я потянула Карлсона за толстенную ручку, пытаюсь вытащить его из пледа.

– Пойдем скорей, я тебя со всеми познакомлю!

– В другой раз с удовольствием, а сейчас мне нужно кое-чем заняться у себя дома. – Карлсон вынырнул из своего гнездышка и направился к окну. – Угадай, кто лучший в мире

писатель книги «Здоровое питание по Карлсону, который живет на крыше»?.. Кстати, писать будешь ты. А что? По-твоему, справедливо, чтобы я один работал до седьмого пота?

...Карлсон улетел, а я подумала: какое счастье, что все в мире имеет свой внутренний смысл, который мы не в состоянии сразу постичь! Что мы никогда не знаем, кто нас ждет на крутом повороте судьбы, и так далее, ура!.. В общем, какое счастье, что мы не поставили стеклопакеты и не заклеили окна!

– Почему тут так холодно? – поежившись, спросил Дима. – Давай колготки, я заклею окна.

И что мне, так прямо и объявить – ко мне прилетал Карлсон?.. Ведь Дима – невропатолог. Решит, что у меня галлюцинации, зрительные и слуховые. Захочет проверить мои рефлексы. А если человека как следует проверить, то у него по невропатологической части ВСЕГДА ЧТО-НИБУДЬ НАЙДЕТСЯ, к примеру бессонница или водобоязнь. Запросто выпишет мне что-нибудь типа витаминов группы В внутримышечно, а это больно...

– Спасибо, Димочка, но знаешь что... Пока не нужно. Потому что... а знаешь почему? Не знаешь? Да... А потому что я начала писать «Здоровое питание для застенчивых». И теперь проверяю на себе свою новую идею – «держи ноги и все остальное в холоде».

– Ну вот и прекрасно, – с облегчением сказал Дима.

Вторник

Глупо доверять свои карамельки человеку с зубами!

Насчет «Здорового питания для застенчивых» решила так: пусть пока издательство обходится тем, что есть, – овсяной кашей без соли и масла. Человек должен писать, только когда он не может не писать.

Но с другой стороны, я как раз не могу не писать, потому что я:

а) УЖЕ утащила из кухни поднос с едой (специально купила для Карлсона маринованные огурчики, докторскую колбасу, корзиночку с кремом из сгущенки),

б) УЖЕ заперлась на защелку.

Получается неловко – Киса будет думать: чем я тут занимаюсь взаперти с подносом еды?

Прежде чем сделать карьеру в области овсяной каши без соли и масла, я была простым преподавателем психологии и прочитала сто тысяч миллионов скучнейших учебников. Ни одна Киса в здравом уме не станет их читать.

Поэтому я решила так – напишу книжку для Кисы. Ну не так, чтобы КНИГУ, а просто такую памятку – лично Кисе от меня. И от Карлсона.

Моя книга для Кисы будет:

а) Совершенно ненаучная, потому что глупо было бы надеяться, что Киса прочитает научную книгу. Правда, тут есть одна тайная выгода и хитрость. Кое-что пригодится Кисе для того, чтобы блистать в обществе. Ну, так небрежно произнести несколько простых слов, к примеру: фрустрация, трансценденция и эмпатия.

б) Про любовь, потому что ленивая Киса прочитает только то, что ей действительно нужно. А Кисе нужно про любовь, все остальное для нее лишнее.

Честно говоря, для меня тоже все остальное лишнее. Я хочу, чтобы в моем доме была Любовь. Пусть бы она всегда истекала сладостью, как бесконечная карамелька. Хочу, чтобы Дима всю жизнь любил меня, как в первый раз, хочу никогда больше НЕ кричать на Котика, хочу НЕ обижаться на Кису... Можно было бы, конечно, положиться в деле Любви на них самих – пусть Дима и Котик сами сохраняют мою любовь, а противная Кисища пусть сначала заслужит мою любовь и заодно не раздражает меня своими черными губами и ногтями...

Вот, к примеру, сегодня она заявила:

– Ты говоришь, что мой папа «сложный». И поэтому я не должна говорить правду – что ты мне посторонний человек. Обманываешь меня, да?... Воспитываешь... На самом деле каждый человек сам по себе. Я сама по себе, и мой папа сам по себе, и ты. Так что оставь меня в покое.

Киса не хочет заслуживать мою любовь, а, наоборот, хочет меня обижать и... как это говорится?... Киса точит на меня зубы, вот.

Раз уж у Кисы такие острые злые зубки и все они наточены на меня, то мне придется самой подумать о Любви в нашем доме, ведь всегда лучше позаботиться о себе самому. Как говорит Карлсон: «Я бы не стал доверять свои карамельки человеку с зубами».

Я долго думала, как начать, и начала так:

«Дорогая Киса, все люди хотят жить счастливо и любить друг друга
вечно, НО...»

Потом я еще немного подумала и решила, что я пишу это не только для Кисы, но и для себя, и начала так:

«Дорогая Киса и ты, Катя! Все люди хотят жить счастливо и любить друг друга вечно, НО...»

Потом я еще немного подумала и решила: какая разница, как начать. Ясно же, что про любовь интересно всем.

Все люди хотят жить счастливо и любить друг друга вечно, НО... Одна из самых частых причин того, что любовь по дороге к вечности потеряется и перейдет в раздражение и в нелюбовь, – несовпадение темпераментов. Несовпадение, взаимное непонимание, ссоры... ну, и затем расставание – вот такая неприятная выстраивается цепочка. Расхожее выражение при разводах «не сошлись характерами», в сущности, означает «не сошлись темпераментами».

Вообще-то темперамент – это не бином Ньютона. Любого человека спроси, он ответит: холерики – возбужденные и быстрые, как Киса, флегматики – медленные и задумчивые, как Котик, меланхолики ноют и кукусятся, а про сангвиников и сказать-то нечего. Так что я не буду это подробно объяснять...

Ура, жужжит! Прилетел!

– Вот оно что, не будешь подробно объяснять! Среди нас, оказывается, завелись лентяи! – возмутился Карлсон, на лету запихивая в рот сразу два маринованных огурчика. – Я-то, конечно, прекрасно разбираюсь в этом тем-пер-пам, но ведь нельзя же требовать от Кисы, чтобы она была таким первым учеником, как я, лучший в мире Карлсон.

Вообще-то Карлсон прав – я должна говорить с Кисой на одном языке. Это не значит, что обычно для беседы с ней я использую иностранные языки, какие придется, а вот сейчас наконец собралась беседовать с ней по-русски. Просто есть такое правило: если хочешь, чтобы тебя услышали, говори на языке партнера. То есть на одном «психологическом» языке.

Наверху, на крыльце Карлсона, рядом лежали десять румяных плюшек. <...>

– ...Мы их поделим поровну – семь тебе и семь мне.

– Так не получится, – возразил Малыш. – Семь и семь – четырнадцать, а у нас только десять плюшек.

В ответ Карлсон поспешно сложил семь плюшек в горку.

– Вот мои, я их уже взял, – заявил он и прикрыл своей пухлой ручкой сдобную горку. – Теперь в школах так по-дурацки считают. Но я из-за этого страдать не намерен. Мы возьмем по семь штук, как я сказал, – мои вот.¹

Почему Малыш не возражает против такой плюшечной несправедливости? А потому что Карлсон говорит с Малышом на его психологическом языке: любой ребенок уверен, что в школе часто бывает все по-дурацки, и никто не собирается из-за этого страдать, а нужно просто принимать это как должное. И если наш партнер будет апеллировать к близкому нам и понятному, мы с легкостью согласимся отдать ему свои плюшки.

Вот и мне тоже нужно говорить с Кисой на одном языке. Так что я все-таки подробно расскажу Кисе и себе про меланхоликов.

Я подсунула Кисе под дверь листочек с надписью: «Дорогая Киса, скажу тебе честно: я люблю твоего папу. И еще – твой папа меланхолик».

¹ Здесь и далее цит. по: Линдгрэн А. Три повести о Малыше и Карлсоне. М., 1974.

Среда

Меланхолик, или Похоже, нашей семье пришел конец

При слове «меланхолик» у Кисы и у всех остальных может возникнуть незамысловатая ассоциация вроде: «А-а, знаю... он обычно сидит в углу и плачет». Некоторые люди пытаются использовать это слово как ругательство, а кое-кто даже путает меланхолика с шизофреником... Очень обидно, потому что на самом деле все не так! На самом деле Меланхолик – это драгоценная брошка тонкой работы на грубой рубаше жизни.

У каждого типа темперамента есть характерное, главное состояние – что-то вроде фона, на котором протекает жизнь. Основное состояние Меланхолика – депрессия. Он заранее настроен на неудачу, заранее готов принять поражение и с тихим достоинством нести свой крест.

Меланхолик не вяжется с образом настоящего мужчины – всегда уверенного в себе и даже немного грубого, – за ним как за каменной стеной. Но если Меланхолика правильно любить, то и он может быть такой же каменной стеной, как другие, ничуть не хуже. Хотя, конечно, Меланхолику нелегко быть каменной стеной, потому что он от природы склонен к невротическим состояниям – тревожности, усталости, головной боли и гнетущему чувству, что уже опять утро, а он еще не отдохнул. Поводов для колебания настроения у Меланхолика много больше, чем у других людей, ведь любую ситуацию он расценивает прежде всего как тревожную.

Но что же делать, если маленькие мальчики и взрослые мужчины куда чаще бывают меланхоликами, чем кажется. Вот, к примеру, Малыш, лучший друг Карлсона, – этот милый малыш, хоть и не чистый Меланхолик (чистые типы темперамента, как и все чистое, вообще встречаются не слишком часто), но все же достаточный, чтобы назвать его Меланхоличным Малышом.

У Меланхоличного Малыша самое лучшее всегда происходит в мечтах, а все события реальной жизни окрашены в печальные тона. Меланхоличный Малыш часто и с удовольствием думает о том, как же он несчастен. Если у Меланхоличного Малыша есть самый лучший в мире Карлсон, то он очень грустит без собаки, потому что Карлсон не такой, как собака. Вот уже появилась собака, но не прилетел Карлсон, и он опять грустит – все-таки собака не такая, как Карлсон.

А если имеются и собака, и Карлсон, но уехала мама?

* * *

*Он подумал о маме, о том, что еще долго ее не увидит, и еще немножко
поплакал.*

Так и хочется сказать Малышу (и еще кое-кому – взрослому, красивому, успешному главврачу): на свете все так устроено – одно всегда не такое, как другое... Но никто так упоенно и бескорыстно не печалится о несовершенстве мира, как Меланхолик.

Как только Меланхолик открывает глаза, на него набрасываются всякие гадости. Словно сидящие у постели цепные псы, Меланхолика подстерегают телефонные звонки, назначенные встречи и записи в ежедневнике. Он на минутку обессиленно прикрывает глаза,

но жизнь никуда не девается, – поэтому Меланхолика утром лучше не трогать. Вообще не трогать и даже не обращаться с вопросами о стеклопакетах...

Меланхолик недостаточно вынослив и часто просыпается с ощущением «что-то я сегодня устал...». Дело тут вовсе не в физической силе (Дима, например, может сыграть очень много сетов подряд), а в его «усталом» восприятии жизни.

Меланхолик постоянно приговаривает, что он уже больше не может. Если мы связаны с Меланхоликом общим делом, то нам обязательно захочется раздраженно на него прикрикнуть:

– Все устали, все больше не могут, а ты один жалуешься!

Да, его усталость носит скорее субъективный характер, чем объективный, но Меланхолику от этого не легче – даже если ему только кажется, что он устал и больше не может, значит, он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** устал и больше не может.

У Меланхолика непременно что-нибудь болит, или же он просто весь насквозь больной. Например, у него часто бывает больное сердце и какой-нибудь дальний предок, у которого, по сведениям Меланхолика, тоже было больное сердце.

Не имеет значения, что родственники давно уже сводили Меланхолика к врачу и врач сказал Меланхолику:

– С таким сердцем сто лет проживете.

Меланхолик не верит – он же **ЗНАЕТ**, что у него больное сердце.

Но самое главное – сердце у него действительно ноет. Так что какая разница, что именно сказал врач, – Меланхолику же больно, больно!

У Меланхолика есть еще одна особенность – он не слишком внятно выражается, так что ему иногда бывает нелегко донести до окружающих свои мысли.

– Я тут... э-э... прочитал... одну книгу... так вот... там...

Он экает, мекает, старается, но ему ни за что не добиться четкости Флегматика или яркости Холерика.

Зато внутренняя речь у Меланхолика замечательно развита, и он ее часто использует, чаще других. Меланхолик склонен к беседе с самим собой и вообще к рассуждениям, иногда совершенно бесплодным.

Вот о чем, например, размышляет Меланхоличный Малыш за обедом:

* * *

Лучшее, что есть в домомучительнице, – это яблочная запеканка, а лучшее в яблочной запеканке – это ванильный соус, а лучшее в ванильном соусе – это то, что я его ем.

Ни Холерику, ни Флегматику не придет в голову такая длинная и печальная мысль о яблочной запеканке. У Холерика просто нет времени на такой подробный внутренний диалог, а у Флегматика не получится внятный диалог с самим собой, потому что оба собеседника надолго задумаются...

Будущее, далекое и близкое, всегда предстает перед Меланхоличным Малышом окрашенным в безнадежные тона. Всего пару минут подождал он Карлсона у открытого окна, и вот, пожалуйста, – горе, ужас, все пропало навсегда.

– Все ясно, он не вернулся, – печально твердил про себя Малыш. – Он никогда больше не прилетит.

Меланхолику нелегко живется, ведь вокруг столько опасного и неизведанного, и от неизвестности совсем уж невыносимо опасного. Все остальные видят в новых жизненных горизонтах хотя бы что-нибудь привлекательное. Все остальные, но не Меланхолик.

Если Котик завтра заболеет скарлатиной, Киса расстроится и пожалеет его, но не только. Киса обрадуется – ведь ей можно будет не ходить в школу. И я бы тоже обрадовалась на ее месте.

Казалось бы, Малыш тоже мог бы подумать о том, что в болезни его брата и сестры есть хотя бы одна положительная сторона: оставшись одни, они с Карлсоном смогут вволю поиграть в привидения.

– Скарлатина – дело житейское, – вмешался Карлсон. – Кстати, со скарлатиной получилось очень удачно. Все легли в больницу именно в тот день, когда дома появилось привидение.

...Доктор показал на Малыша:

– А его придется пока изолировать.

Услышав это, Малыш заплакал. Он вовсе не хотел, чтобы его изолировали. Правда, он не знал, что это такое, но само слово звучало отвратительно.

<...>

– До свидания, дорогой братик, не горюй! Ведь мы скоро вернемся, – сказала Бетан.

Малыш разрыдался:

– Ты только так говоришь! А вдруг вы умрете?

Ну почему сразу так драматично – сразу же «умрете»? А потому что Меланхолики склонны к гипердиагностике! Я же говорила, не было у меня никакого неврита, обычная простуда!

В отличие от всех остальных типов темперамента Меланхолик в любом событии предполагает неприятный исход. К тому же он не желает оставаться со всем этим неприятным наедине, ему необходимо поделиться своими мыслями с близкими людьми.

Меланхоличный Малыш пишет маме письмо.

* * *

Дорогая мама, – начал он. – Похоже, что нашей семье пришел конец Боссе и Бетан больны какой-то тинной и их увезли в больницу а меня изолировали это совсем не болно но я конечно заболею этой тинной а папа в Лондоне жив ли он теперь не знаю... домомучительница не болна и Карлсон тоже но и они скоро заболеют прощай мамочка будь здорова.

– Подробно я писать не буду, – объяснил Малыш... – потому что не хочу ее пугать.

Но что же, неужели Меланхоличный Малыш – неприятная личность? Ни в коем случае! Он преданный, внимательный, любящий малыш, самый милый малыш на свете! Но Меланхоличному Малышу придется перестать быть любимым малышом, придется стать главврачом, строителем нового корпуса и вообще НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

И какой же мужчина вырастет из Меланхоличного Малыша?

Да, конечно, у Меланхолика есть недостатки, но у кого их нет? Зато у Меланхолика есть такие достоинства, которых нет больше ни у кого. В глубине души он остается тем самым Малышом, который так нежно любил Карлсона, что даже отказался от долгожданного путешествия с мамой и папой.

Как он может бросить Карлсона одного именно в тот момент, когда он ему действительно нужен! <...> Раз у тебя есть лучший друг, его нельзя бросать.

* * *

Меланхолики – очень хорошие друзья. Они могут отдать другу самое дорогое, даже игрушечный пистолет, который выглядит совсем как настоящий.

– *Ты лучший в мире друг!* – говорит Карлсон. И что же Малыш? Малыш счастлив оттого, что счастлив Карлсон, а это не всем дано.

Меланхолик – чуткий, нежный и готов в любую минуту выслушать и пожалеть. Он обладает повышенной эмпатией – способностью чувствовать точно так же, как чувствует его собеседник. Он сам постоянно прислушивается к своему внутреннему миру и так же внимателен к чужому. Уж он-то доподлинно знает, КАК человеку бывает плохо, поэтому выслушает и поймет нас лучше всех остальных.

– Разве ты плохо спишь? – спросил Малыш.

Карлсон угрюмо кивнул.

<...>

«Как это печально», – подумал Малыш и сказал:

– Мне так жаль... У тебя в самом деле так плохо со сном?

– ...Собственно говоря, ночью я сплю беспробудно и перед обедом тоже, а вот после обеда дело обстоит из рук вон плохо, лежу с закрытыми глазами и ворочаюсь с боку на бок.

Представим, что мы хотим от Холерика или Флегматика понимания всех тонких движений нашей души. Первый не будет вникать в подробности нашего дневного сна, поскольку больше занят собой, а второй еще не скоро поймет, о чем речь. А когда наконец поймет, может быть, нам уже надоест жаловаться на плохой сон и захочется перейти к другому вопросу.

Но нежная душа – это еще не все. Кроме обладания нежной душой, Меланхолик приносит огромную практическую пользу.

Да, Меланхолик всегда думает о дурных последствиях или о возможных трудностях, но ведь он же о них ДУМАЕТ.

– Ну, полетели? – спросил Карлсон.

Малыш еще раз все взвесил.

– А вдруг ты меня уронишь? – сказал он с тревогой.

Такая предусмотрительность в опасном и суровом мире – большое преимущество Меланхолика по сравнению с Холериком, который не размышляет, а УЖЕ ЛЕТИТ, САМ НЕ ЗНАЯ КУДА, и обнаружит трудности, только уткнувшись в них носом. Это большое преимущество Меланхолика и по сравнению с Флегматиком, который, вместо того чтобы поразмыслить о возможных проблемах, например, не уронят ли его во время полета, предпочтет долго и методично прилаживать к себе пропеллер. Флегматик по-настоящему так никогда и не столкнется со своими проблемами, потому что определит свою неудачу не как неудачу, а

лишь как новые обстоятельства. И в этих новых обстоятельствах он опять примется прилаживать к себе пропеллер, то есть действовать все так же тщательно и методично.

Кто же остановит зарвавшегося в своих планах Холерика, кто напомним Флегматику об опасности, если не Меланхолик? Именно Меланхолик играет роль адвоката дьявола, замечает все возможные трудности и этим своим ноющим «а что, если...» немного опускает Холерика на землю, а Флегматика заставляет подумать о будущем, а не только о настоящем...

И наконец, Меланхолик, как правило, тонко чувствует природу и искусство. Он и сам часть природы – такой нежный росточек, и сам часть искусства – элегия или соната.

Я закончила описывать меланхолика, немного подумала и приписала:

«Дорогая Киса, в моей любви к Диме обнаружились некоторые трудности. Но никто не обещал, что любить легко. Главное – помнить правила любви. А ВДРУГ ТЕБЕ, ДОРОГАЯ КИСА, ТОЖЕ КОГДА-НИБУДЬ ДОСТАНЕТСЯ МЕЛАНХОЛИК?.. ТОГДА ТЕБЕ ЭТО ОЧЕНЬ ПРИГОДИТСЯ. Правила любви к меланхолику жди завтра. Или послезавтра».

И подсунула Кисе под дверь листочки.

Пятница

Как правильно любить Меланхолика

Любовь к Меланхолику не требует специальных психологических знаний, а только ума и сообразительности. Ум и сообразительность нужны, чтобы понять: если правильно любить Меланхолика, то он подарит нам самое ценное, самое лучшее. Как сосна капельку смолы.

Правило первое

Баловать! Ласкать, нежить. Удовлетворять его повышенную потребность быть любимым. Мы все хотим быть любимыми, но у Меланхолика иное – ему постоянно нужно ЧУВСТВОВАТЬ себя любимым. В этом его принципиальное отличие от Холерика, которому необходимо наше восхищение, и от Флегматика, – для него самое главное, чтобы мы его уважали.

Правило второе

Не просто молча понимать Меланхолика, а стараться выражать словами нежное понимание его проблем. Не говорить ему бодрым голосом: «Что ты расстраиваешься из-за ерунды!» Он тогда может свернуться, как молоко. Нужно ему сочувствовать, расспрашивать его – если есть время, а если нет, хотя бы покивать головой, сохраняя жалостливое выражение лица.

Правило третье

Любимая женщина Меланхолика должна смириться с тем, что ему всегда хуже, чем ей. Потому что Меланхолику, и правда, всегда ХУЖЕ: ведь для него трагическая сторона человеческого существования словно постоянно приоткрытая дверь в страшную темную комнату, в которую другие никогда не заглядывают.

Конечно, немного обидно, что кому-то всегда хуже, чем нам, но при некоторой тренировке совсем нетрудно это признать. Зато в любовной паре Меланхолик с его нежной душой обычно играет роль примирителя. Когда отношения приближаются к последней черте, именно он останавливается и говорит: «Вы что, ребята?.. Опомнитесь...»

Правило четвертое

Не кричать на Меланхолика и даже по возможности не разговаривать с ним резким тоном. Не забрасывать его своими идеями, как яблоками, чтобы не попасть ему случайно в лоб. В общем, щадить Меланхолика, не очень на него насакивать, хотя бы через день.

Секрет

Самая трудная, самая негармоничная любовная пара – это Меланхолик и Холерик. Энергичный Холерик словно берет бедного Меланхолика за воротник и трясет его, и треплет...

Холерик без устали предлагает Меланхолику разные очень хорошие развлечения, чтобы хоть как-то оживить его недостаточно, по мнению Холерика, бурную жизнь. При этом Холерик совершенно уверен, что осчастливил Меланхолика таким милым собой, и любит повторять: «Что бы ты без меня делал...» А беззащитный Меланхолик так ужасно мучается с Холериком! Живет, словно испуганно закрывается локтем от его натиска.

Как же быть, если Холерик полюбил Меланхолика? Именно в таком порядке, а не Меланхолик полюбил Холерика, потому что в данной паре любовная инициатива, как правило, принадлежит Холерику.

Мой личный секрет

Оказывается, самая трудная пара – это я и Дима. Ох!.. Неужели это такая страшная картина, что лучше и не заглядывать?.. Честно скажу тебе, Киса, и себе тоже, – мне нелегко. Но я привыкну, обязательно привыкну.

Воскресенье

Теоретически все понятно, а практически хочется ка-ак дать!

Утром предложила Диме очень хороший план на день. Старалась не наскокивать, как обычно, а действовать исключительно психологично.

– Если ты не очень устал, давай мы сначала поедem гулять в Пушкин, если ты, конечно, не очень устал. Потом быстро пообедаем в одном маленьком ресторанчике, чтобы успеть в филармонию, а уже после филармонии – в гости? А?.. Пойдем-пойдем-пойдем! Ну что ты сидишь, собирайся скорей! А то не успеем сначала погулять, потом в ресторанчик, потом в филармонию, а потом в гости...

– Тебе-то хорошо, тебе еще жить и жить... А вот мне уже немного осталось... – вяло отмахнулся от меня Дима и без сил откинулся в кресле, ласково поглаживая теннисную ракетку.

Честное слово, так и сказал! Если бы я не знала, что Дима – доктор наук, главврач, победитель теннисного турнира «Кубок медиков» в 2004 году, строитель нового корпуса и активно интригует против своих конкурентов из соседней больницы насчет ЯМР, я бы подумала, что он просто сумасшедший. А так я поняла: чтобы совсем не пропасть в совместной жизни со мной, мой любимый меланхолик выбрал такую форму защиты.

– У тебя такой хороший план... Ты поезжай, отдохни... а я тут побуду... один, – с наслаждением добавил Дима. – Я что-то себя неважно чувствую... Может быть, пока тебя нет, на теннис схожу.

Что же мне делать, что?.. Броситься на него и ка-ак дать?.. Или пожалеть? Хоть он и врет, что плохо себя чувствует, а все же жалко его...

– Хотя, конечно, не знаю... – протянул Дима. – В Гонконге грипп начинается, форма А. Я пока не болен, но, конечно, скоро заболею.

...Честно тебе скажу, Киса, мне нелегко. Мне бы хотелось хоть немного подкорректировать темперамент некоторых людей в удобную для себя сторону... Но я понимаю, что тут я бессильна. **МЫ НЕ МОЖЕМ ИЗМЕНИТЬ ЧУЖОЙ ТЕМПЕРАМЕНТ, И СВОЙ ТОЖЕ.**

Если темперамент и может чуть-чуть измениться, то вовсе не моими стараниями, а только под влиянием жизни в целом. Потому что общество ни за что не оставит без внимания никакие яркие проявления.

Что слышат Холерик и Флегматик, начиная с того времени, как они впервые сталкиваются с обществом в виде воспитательницы детского сада?

Кису всегда притормаживали: «Тише!», «Успокойся!», «Не торопись, ты все успеешь!». А бедного Котика, наоборот, торопили: «Скорей, скорей! Все уже съели кашу, все оделись, все давно уже завязали шнурки...»

Но хуже всех, как всегда, приходится Меланхолику, особенно мальчику. Меланхоличный мальчик отовсюду слышит трубный глас общества: настоящий мужчина – это мачо... Такой брутальный тип – мужественный, сильный, ни в чем не сомневается, идет напролом. Повышенная тревожность, от природы присущая Меланхолику, совсем не свойственна мачо и, следовательно, не одобряется ребятами с нашего двора и гением чистой красоты из 5 А...

«Не ной, не бойся, не переживай по любому поводу» – требует общество и тут же интересуется: «Ты вообще-то мужчина или девчонка, плакса-вакса гуталин?»

Так что Меланхолик с детства вынужден прибегать к мимикрии, маскировать свою тревожность, чуткость и нежную душу.

Холерику и Флегматику тоже приходится страдать, приспосабливаться, пытаться стать другими и убеждаться, что они никак не могут измениться, и опять пробовать... Но наш истинный темперамент все равно никуда от нас не денется, как моторчик на спине у Карлсона.

– Думаю, я тоже меланхолик. Украшение жизни, – небрежно сказал Карлсон и, удовлетворенно похлопав толстенькой ручкой по кипе исписанных листочков, взмыл к потолку. – Я меланхолик, трам-пам-пам, – напевал он, кружась все быстрее и быстрее, – я меланхолик, трам-пам-пам! Очень печальный, трам-пам-пам, очень нежный трам-пам-пам!

– Да?... Учти, что все темпераменты одинаково хороши, ни один не лучше и не хуже другого, – заметила я.

– Точно? – подозрительно спросил Карлсон. – Тогда я просто самый лучший.

– Это да, – подтвердила я.

Карлсон спикировал на подоконник.

– Пиши, старайся. Прилечу приблизительно и все проверю.

Понедельник

Громко плачем все

В книге «Трудный подросток» рекомендуется хитрый психологический ход. Нужно делегировать свои полномочия подростку, чтобы он понял, что ему доверяют. Вот я и делегирую Кисе свои полномочия по Котику. Ей будет приятно, что она, взрослая и умная, возглавляет маленького глупого Котика.

– Ты последи, чтобы Котик сделал уроки, а потом я помогу тебе написать сочинение, – предложила я.

Киса скривилась:

– Нет. Не нужно мне помогать. Ты сначала сделай с Котиком уроки, а потом напиши мне сочинение.

Ну вот, опять все я: уроки – я, сочинение – я, книгу для Кисы – тоже я...

А я и так сегодня очень занята – сегодня я сижу на диете и одновременно воспитываю волю. Купила пирожные в булочной «Балтийский хлеб». Буше я съела по дороге домой, так что можно считать, что его и не было. Остались корзиночки с фруктами, шесть штук, три с клубникой и три с вишнями. Они очень красивые, особенно с клубникой и вишнями. А я голодаю на диете.

Я пошла к Котику и некоторое время, несколько минут, наблюдала, как он решает примеры, а затем нетерпеливо вскрикнула:

– Ну давай же, давай! Сколько будет два плюс три? Скорей! Ну что ты так долго думаешь, я уже давно все решила! Пиши скорей – пять! Написал? Не спи! Теперь доставай тетрадку по русскому. Скорей!.. Мне некогда! Сейчас я тебя научу быстро делать уроки!

Котик, поглядывая на меня, рисовал палочки, а я подбадривала его громкими выкриками: «Быстрее! Вот так! Молодец!», а иногда, выхватывая у него ручку, пририсовывала пару палочек в его тетради и одновременно наслаждалась своим педагогическим даром. Пока совершенно неожиданно для меня не раздался громкий рев Котика.

Когда Киса примчалась в комнату, плакали уже мы оба: Котик рыдал в голос с подвыпаниями, а я тихонько всхлипывала.

– Ты что издеваешься над ребенком! – закричала Киса, вытаскивая Котика из моих рук.

– Я не издевалась! Я терпела-терпела, но это же невозможно! А все почему? – сквозь слезы оправдывалась я. – Потому что я быстрее рисую палочки, чем он... Он специально меня раздражает! Напишет полпалочки и задумается!..

Киса отобрала у меня рыдающего Котика. Я удалилась к себе и сидела там на диете злобным голодным зверем, пока у окна не послышалось знакомое жужжание.

* * *

Дима не любит сладкое, Киса из одной корзиночки выковыряла вишни, Котик съел две с клубникой, так что три корзиночки достались Карлсону. А потом у нас с Карлсоном вышел спор о питании.

– Ты как-то негостеприимно на меня смотришь, – заметил Карлсон.

Ну возможно, я не смогла сдержать в себе голодного злобного зверя... Карлсон протянул мне маленький кусочек последней корзиночки – угощайся!

– Нет! – рявкнула я. – То есть нет, спасибо.

– У тебя проблемы с аппетитом? – спросил Карлсон. – Съешь хоть что-нибудь... Ну, попробуй себя заставить...

– Нет! Нет! То есть не беспокойся.

– А у меня тоже сегодня проблемы с аппетитом, – озабоченно произнес Карлсон. – Подумать только, какое у меня хрупкое здоровье – еще за завтраком было все в порядке. Блинки с маслом, сгущенкой... с вареньем. Второй завтрак был так, сущая ерунда... доел блинki... Обед и полдник прошли сравнительно неплохо, а вот сейчас что-то со мной случилось...

Я мстительно улыбнулась:

– Лично я сегодня голодаю на диете, а что касается тебя, мой милый, мой дорогой Карлсон, – вредно есть так много мучного.

– От пирогов не толстеют, – неуверенно возразил Карлсон и незаметно втянул живот.

– Да? А что, по-твоему, дает четыре килокалории энергии на каждый сожженный грамм? Углеводы! А ты знаешь, что представляет собой структурная единица углевода? Молекулу моносахарида, наиболее обычной формой которой является глюкоза...

– Кто здесь консультант по питанию, ты или я? – обиделся Карлсон, и тут я спохватилась. Накричала на Котика, сейчас еще с Карлсоном поссорюсь и тогда вообще останусь совершенно одна.

– Конечно, ты, Карлсон, – кротко сказала я.

Карлсон оживился и выпятил живот обратно.

– Чем меньше ты ешь пирожных, тем больше толстеешь, и сейчас я тебе это докажу. Ты весь день не веселишься, а наоборот, отказываешь себе в самых необходимых пирожных, так?

– Так.

– А сама небось только и мечтаешь, как бы пробраться к холодильнику и наброситься на бедные беззащитные корзиночки... Так?

Я кивнула.

– Ты нервничаешь, – продолжал Карлсон, – и постепенно теряешь человеческий облик и превращаешься в волка, готового съесть бабушку... Скажи, а что ты делаешь на следующий день после голодания?

Я покраснела. Если честно, на следующий день после голодания я просыпаюсь рано, очень рано и...

Карлсон покровительственно похлопал меня по щеке:

– Ну вот, все ясно. Не будем больше ругаться из-за маленького кусочка корзиночки. Съешь его, и дело с концом. Привет!

Карлсон улетел, а я съела кусочек корзиночки (на нем еще оставался вкус клубники) и сразу же почувствовала себя лучше.

Откуда Карлсон знает, что углеводы необходимы для производства энергии? Откуда Карлсон знает, что каждый человек имеет вес и фигуру, позволяющую ему определить массу тела на основе его собственных ощущений? А мои ощущения таковы, что одно маленькое буше, когда есть еще и корзиночки, – это глубокая несправедливость. Откуда Карлсон знает, что любая диета не конструктивна, а есть нужно часто и помногу? То есть часто и понемногу.

Нет, правда, – интервалы между приемами пищи не должны превышать трех-четырёх часов, и я могла бы каждые три-четыре часа съедать по корзиночке... А насчет того, чтобы есть понемногу, – я и так сегодня съела одно буше и кусочек корзиночки. За целый день голодания на диете это вполне понемногу.

А откуда Карлсон знает, что еда – это самое лучшее средство против стресса? Когда человек ест, он так занят, что не нервничает.

...Я услышала у своей двери какой-то шорох и подняла глаза. Из-под двери выползал листок бумаги. Письмо! Мне! Интересно, от кого?

В письме было написано:

«Признайся хотя бы, что ты была не мать, а безобразие. Ты тоже ведешь себя плохо, а не только я. Эх, ты, а еще учишь меня обращаться с меланхоликами. Если еще напишешь, ладно уж, суй под дверь».

Теперь я не так уж голодна и смогу написать о том, КАК УЖАСНО НЕПРАВИЛЬНО я обращалась с бедным Котиком.

Вторник

Флегматик, или Спокойствие, только спокойствие

Достоинства Флегматика так велики, что лично я, Катя, хотела бы быть Флегматиком, потому что палочки у Флегматика обычно выходят ровные, в ряд, просто загляденье. Не то что у Холерика, который, отталкивая Флегматика локтем, быстро-быстро пристраивает рядом свои клонящиеся в разные стороны кривули.

Флегматик всегда как будто немного спит наяву. Время специально для него течет медленней, чем для остального человечества, и Флегматику кажется, что он обязательно всюду успеет. Как будто ВСЕ на свете сказало ему: «Не торопись, друг мой, мы тебя подождем», даже поезд, даже самолет... Такой он задумчивый, медлительный, неторопливый, что Холерика так и тянет его пощипать: «Эй, ты, проснись, а то я не играю!»

Флегматики разбивают мир на блоки и тяжело ворочают. И желательно, чтобы окружающий мир ни гу-гу. Хотя они не особенно этот окружающий мир замечают.

Холерик чаще всего вертляв и непоседлив, а Флегматик ужасно неповоротлив и в целом, как внешне, так и поведением, напоминает джип-внедорожник, работающий на дизельном топливе. Долго заводится, тарахтит, нагревается, затем потихоньку трогается. Но зато потом ка-ак поедет! И уж тогда Флегматику безразлично, какие препятствия встретятся на его пути.

Флегматик не слишком хорош, скорее даже плох в стрессовой ситуации. Если на пути Флегматика неожиданно попадает экстремальная ситуация или просто что-то новое, требующее быстрого реагирования, то его первая реакция – удивленно замереть. И опять все сначала – разогреться, завестись, потарахтеть, медленно разогнаться, набрать скорость и ка-ак поехать...

У Флегматика очень странные отношения со своими неудачами и ошибками. Все остальные, НЕ Флегматики, учатся и на чужих ошибках, и на своих – у кого как получится. О том, чтобы Флегматик учился на чужих ошибках, глупо даже говорить. О том, чтобы Флегматик учился на своих ошибках, тоже глупо говорить. Он не настолько замечает свои ошибки, чтобы сделать какие-то выводы. Флегматик, единственный из всех типов темперамента, с маньяческим упорством наступает на одни и те же грабли. При этом он всякий раз уверен, что это не грабли, а просто что-то случайно валяется у него на пути. Наткнувшись на это что-то и испытав знакомую боль, Флегматик удивленно констатирует: надо же, все-таки грабли... Это не потому, что он глуповат, ни в коем случае, Флегматики, как правило, обладают высоким интеллектом, – просто темперамент такой, ничего не поделаешь.

Зато у Флегматика есть Цель. Он эту Цель для себя сформулирует и четко бьет в одну точку. Это очень здорово. Кроме Флегматика никто на такое постоянство, преданность и выдержку не способен.

В любви с Флегматиком есть свои прелести и свои сложности. Флегматики с трудом говорят «я тебя люблю». Это для них очень много значит. К тому же пока Флегматик поймет, что любит, столько времени уходит...

Флегматики – самые верные мужья, они обычно не спешат переменить свою жизнь, потому что долго принимают решения и к любым изменениям привыкают тяжело. Не считая тех случаев, когда они все-таки уходят. В этом смысле Флегматик куда хуже Холерика: Холерик с той же скоростью бежит как туда, так и обратно, а если Флегматик нагрелся, завелся и ушел, то уже не вернется.

Холерик и Флегматик недаром считаются лучшей парой: Флегматику не придет в голову самому разнообразить свою любовную жизнь мелкими драмами, а вот Холерик может всласть покататься с ним на любовных качелях. Только с Флегматиком Холерик может найти достойное применение своему артистическому дару и как следует разгуляться. Флегматик многое терпит и в глубине души восхищается непредсказуемостью своего милого Холерика. К тому же Холерики часто бывают раздражительными и без причин пощипывают своего партнера. А если Холерик походя ущипнет Флегматика, тот может этого щипка просто не заметить. Иногда Холерик годами играет с Флегматиком в перетягивание любовного каната «приходи-уйди, люблю-ненавижу», а Флегматик не придает этому значения. Но Холерику все равно интересно с ним играть – ему со всеми интересно.

Любить Флегматика легко, для этого требуется всего лишь одно – нечеловеческое терпение.

Среда

Как правильно любить Флегматика

Правило первое

Если мы хотим вызвать у Флегматика интерес к себе или же у нас далеко идущие на него планы и мы мечтаем, чтобы Флегматик нас полюбил, нет лучше способа, чем навести его на разговор о прошлом. Флегматик с радостью подробнейшим образом расскажет нам о своей двоюродной прабабушке или обо всех перипетиях своего бизнеса со времени его возникновения восемнадцать лет назад. Этот беспроектный путь приручения Флегматика особенно удобен, если у нас параллельно много других дел: пока Флегматик рассказывает, мы успеем сделать все свои дела. От нас всего-то и требуется, чтобы Флегматик не заметил, что мы его не слушаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.